

Более высокие и стабильные показатели текущего и итогового контроля усвоения учащимися базовых химико-биологических, социально-экологических и профессионально направленных химико - (биолого-) экологических знаний и умений, применение этих знаний для объяснения и разрешения конкретных экологических проблем нефтегазодобывающего производства позволяют сделать вывод об эффективности предложенной системы.

В. А. Андрусенко

Институт развития региональ -
ного образования Свердловской
области

ОБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАДЕЖДЫ (мировоззренческий аспект)*

Основаниями мироотношения человека являются: сам человек, душевное переживание его положения в мире, отражение этого переживания в соответствующих мировоззренческих образах, выработка программ сохранения и приумножения "человечности". Человек стремится сохранить, обезопасить и развить себя в пестром калейдоскопе природного и социального многообразия. При этом он может, развиваясь в направлениях, адекватных его природе, в приемлемых для него формах внешнего мира, "находить себя" в этом мире, утверждаясь тем самым в самодостаточности собственных потенций, обретая уверенность в себе. Кроме того, человек может подчинить себе сопротивляющийся мир, преобразовывать его по собственным меркам, т.е. "умножать себя". Наконец, человек, сталкиваясь с ситуациями принципиального рассогласования своих внутренних возможностей с неосвоенным бытием, может кардинально изменять собственное качество и вырабатывать новые направления его развития, т.е. "творить себя". Эти три момента характеризуют активную (субъектную) сторону человеческого мироотношения.

Однако человек может и заблудиться в сложнейшем лабиринте жизни и, выбрав внешне привлекательный путь, по существу, "потерять себя", ограничившись, например, простой (ситуативной) возможностью

* Статья В. А. Андрусенко не отвечает направлению сборника и включена в содержание по просьбе ответственного редактора.

выжить, или, делая уступки внешней силе, деформируя собственные качества, человек может существенно "обеднять себя". Наконец, подчинившись силе, превратившись в пассивную субстанцию, вернувшись в рабское состояние, человек может "убивать себя". Эти факторы свойственны для страдательной (объектной) стороны мироотношения человека.

В каждом конкретном человеке активная и страдательная составляющие создают поле жизненной напряженности, полюса которого могут меняться, что приводит к доминированию одной из составляющих в пределах одной и той же жизненной ситуации, в одних и тех же пространственно-временных рамках.

Духовный мир человека выступает в таком случае своеобразным регулятором напряжения, превосходящая возможные необратимые перепады душевного напряжения, смену полюсов, и, по возможности, надежно блокируя человека от внешних разрушающих воздействий.

Очевидно, сфера духовности надолго (если не навсегда) останется для человека "черным ящиком", однако меру неопределенности в становлении, функционировании и развитии духовного мира можно в какой-то степени снижать, выясняя, с одной стороны, особенности этого мира как системного качества, а с другой — исследуя специфические свойства его составляющих.

Как в этой связи представляется нам природа и роль такого важного модуля духовного мира, как надежда?

Если понимать под надеждой в самом общем виде процесс эмоционального переживания человеком предполагаемого осуществления его желаний, то можно прежде всего попытаться выяснить, как этот процесс начинается, какие душевные напряжения испытывает надеющийся человек и чем этот процесс заканчивается.

Все ли желания человека оформляются в надежды? Предложим следующий вариант ответа. Человек не может иметь бесконечное количество равновозможных и одинаково жизненно важных желаний. Желания человека детерминируются наличными ценностями биологического и социального порядка. Так, во многом субординация желаний человека как социального существа определяется его установками. Эти установки как бы стягивают веер желаний, заставляя последние проверить себя друг через друга и определить степень важности, необходимости, своевременности и эффективности для данной формы жизнедеятельности человека.

Пройдя мировоззренческую фильтрацию, желания вновь субординируются в соответствии с реальными возможностями человека их удов-

летворить. Скажем, можно пожелать совершить прогулку по Марсу. Но это (или подобное) желание останется лишь мечтой, практически безнадёжной.

Но и этого фильтра оказывается недостаточно, поскольку в планы человека могут вмешаться иррациональные силы индивидуального порядка. Допустим, у нас есть желание ездить на машине, есть деньги для ее приобретения, но увы ... машины - дефицит. Тогда мы вспоминаем, что хотели бы иметь ковер и холодильник или пришла пора обеспечивать квартирой детей ... Как видим, для того, чтобы попасть в разряд надежды, желания проходят своеобразный "конкурс", выстраиваются в очередь.

Еще сложнее, видимо, осуществляется фильтрация собственно человеческих духовных качеств, определяющих существенные параметры жизнеотношений человека. Скажем, можно ли надеяться быть счастливым, смелым, честным, совестливым, бесстрашным и т.п.? Если да, то, во-первых, человек, у которого такие желания появляются, должен прежде признать себя в какой-то мере трусом, бессовестным, лжецом и т.д., а во-вторых, он должен представлять конечные ориентиры абсолютного счастья, честности, мужества и пр. Если он не может это сделать, то что же тогда составляет фундамент человеческих надежд? Неужели только желания обладания вещами?

Может быть, следует сделать вывод о том, что само основание надежды многомерно? Тогда можно попытаться определить системообразующий фактор этого основания.

Прочтем термин "переживание" буквально. Тогда появляется смысл необходимости "прожить желание", выстрадать его, применить его ко всем сферам духовности. Возникает внутренний план надежды. Проецируясь на "экран" духовного мира, желание инициирует активность всех его узловых точек: совести, долга, стыда, страха и т.д. Если желание соответствует выбранному направлению развития духовности и если человек предполагает возможность его осуществления, то это желание приобретает статус надежды. В ином случае желание либо гасится, либо заменяется, либо становится надеждой - фетишем. Надежда предварительно реализуется в сфере духовного мира, и лишь затем человек начинает представлять, проигрывать варианты перевода надежды во внешний план.

По-нашему мнению, предположение о предварительном проигрывании надежды объясняется и тем, что человек чрезвычайно озабочен эффективностью средств представления его в мире. Для него было бы слишком большой роскошью жить преимущественно несбыточными или лож-

ными надеждами и, тем более, надеждами, которые не принесут ему ничего хорошего. В начале человек надеется "для себя", а, переводя надежду во внешний план, начинает надеяться "для других". Поясним это утверждение.

Только сам человек знает, насколько удалось ему подняться по лестнице самотворения и одновременно опуститься в пропасть самоунижения. Синтезатором, обеспечивающим всякий раз уникальное соединение активного и страдательного компонентов, векторов духовности, выступает совесть. Соединение это, хотя и вариативно, но не произвольно. Скорее всего наиболее развитый компонент активности сопрягается с наиболее развитым компонентом страдания и наоборот.

Надежда изначально имеет амбивалентный характер. Эта амбивалентность сохраняется и в надежде "для других". Вынося свою надежду во внешний план, человек вновь ее корректирует, но теперь уже стыдом. Если внутренний план надежды формируется на основе желаний, то для реализации внешней надежды необходима воля. Воля призвана преодолеть стыд и заявить надежду сообществу. Воля побуждает совесть, инициируя активный или страдательный компоненты на раскачивание устоявшихся, обеспечивающих внутреннюю комфортность, но не эффективных для внешнего представительства, оснований надежды, исходных желаний. Онтологически надежда – это своеобразный масштаб и вектор развития социального качества. С одной стороны, человек надеется развить, представить себя внешнему сообществу и миру в целом, а с другой – он надеется на сохранение, безопасность уже сформировавшейся и благоприятной для него системы мироотношений. Поэтому надежда генетически связана и функционально обусловлена таким феноменом духовности, как страх.

Духовный мир человека имеет свое пространственно-временное измерение. В этом отношении время выступает как изменение активного и страдательного компонентов духовности. Страдание и удовлетворенность сопровождают любой акт человеческой деятельности, любые формы его мироотношения. Пространство переживания задается, с одной стороны, страхом, а с другой – надеждой. Между страхом и надеждой размещается весь набор модусов духовности: совесть, стыд, долг, мужество, лицемерие и т.п. Скорее всего, вторым и главным основанием надежды выступает реальный "срез" человеческой духовности во всем своем многообразии.

Общий процессуальный механизм надежды может быть представлен таким образом: появление желаний – фильтрация желаний модусами духовности (определение их значимости для человека) – включение обо-

гащенных модусов духовности в новую надежду и определение новых ориентиров развития социального качества. В этом смысле вечных надежд не должно быть, поскольку, увы, сам человек не вечен ...

Попытаемся ответить на один из самых сложных вопросов: как в надежде сосуществуют активная и страдательная составляющие?

Предположим, что человек, не желая себе излишней скорби, прежде всего стремится развить свое субъектное (активное) состояние, мироотношение, усилиться в качестве активной субстанции. Тогда надежда иницирует его на риск. Риск — это выбор направления развития социального качества во внешнем плане в ситуации неопределенности. Но одновременно, надежда заставляет человека обеспечить свою безопасность, поскольку ситуация неопределенности, порождая страх, существенно сужает сферу экспансии, заставляя в первую очередь сконцентрировать потенции на самозащите. Возникающее напряжение между переживаниями риска и безопасности снимается принятием решения, поступком. При этом на любом этапе данного процесса у человека существует возможность перехода в пассивную субстанцию, т.е. в состояние экзистенциального вакуума. К этому его могут, в частности, "подтолкнуть" безотчетный (бездумный) риск; хроническая трусость (парализующий волю страх); всепоглощающая индивидуальная (иррациональная) сила; слабость собственных ресурсов (потенций развития социальных качеств или биологических потенций), их несоответствие выбранному направлению развития и т.п.

Но, находя и творя себя, человек одновременно рискует потерять, обеднить и убить себя.

Дать оценку отдельной надежде в процессе ее формирования или даже в процессе реализации, по-видимому, невозможно. Такая оценка может быть дана через анализ всех надежд человека (и реализованных, и нереализованных), обобщенных, синтезированных в человеческой судьбе. Судьба человека оказывает, с одной стороны, меру вины человека за лично выбранную и реализованную систему ценностей, а с другой — меру беды его, как существа, необратимо деформированного внешними обстоятельствами. Судьбу человека можно было бы определить через отношение количества реализованных надежд к общему их количеству (конечно, поскольку люди стартуют в жизнь, имея разные возможности, то при оценке их надежд необходимо учитывать коэффициент преодоления себя, с одной стороны, а с другой — коэффициент сопротивляемости обстоятельствам).

Все надежды человека (и реализованные, и нереализованные) оказывают влияние на его судьбу. Насколько реализованные надежды

способствуют становлению человека, настолько нереализованные деформируют его жизнь, ломают судьбу.

А можно ли предложить обобщенную формулу надежды?

В философии такие попытки уже предпринимались. При этом многие ученые (Аристотель, Д.Локк, Т.Гоббс, Р.Декарт) представляли надежду как меру чувственно переживаемых противоположных тенденций в становлении добра и зла. В наиболее обобщенной форме формула надежды выглядит так:

$$\text{Надежда} = \frac{\text{Добро (удовольствие)}}{\text{Зло (неудачи)}} .$$

Надежда в такой интерпретации есть нечто, представляющее бо-льшую вероятность достижения желаемого (добра) и меньшую вероят-ность зла (неудач).

Долгое время желания человека понимались преимущественно как стремления к чувственному обладанию, удовольствию. И лишь в клас-сической немецкой философии надежда стала рассматриваться и в кон-тексте рационализированной деятельности: как мера противоположно-сти сознательного и бессознательного (Ф.В.Шеллинг), значимой в себе и для себя субстанциональности и меняющихся прихотей, чувственных желаний (Г.Гегель), развития способностей и состояния невежества (И.Кант). В обобщенной форме можно представить это понимание на-дежды так:

$$\text{Надежда} = \text{Разум} \frac{\text{Добро (истина)}}{\text{Зло (заблуждения)}} .$$

Здесь надежда выступает как бесконечное стремление разума че-ловека к постижению высших истин бытия и преуменьшение воздействия нерационализированных сущностей

Позднее надежда стала связываться с планированием человеческой деятельности и преодолением жизненных неудач. В этом отношении можно выделить концепции сопряжения в надежде воли и преодоления предрассудков (Ф.Ницше), успеха деятельности и избегания неудач (В.Джеймс), возможности собственных сил человека достичь желаемого идеала и сопротивляющейся реальности (Б.Данэм), поисков и осуществ-ления смысла жизни и бессельной жизни (В.Франкл).

Обобщим эти представления следующим образом:

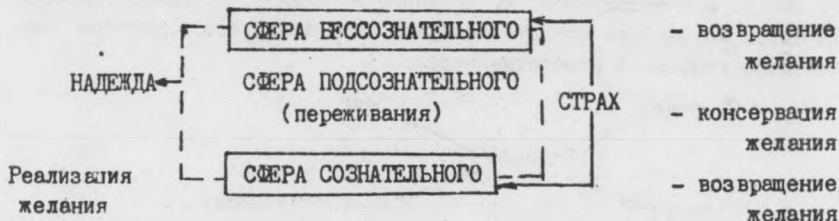
$$\text{Надежда} = \text{Деятельность} \frac{\text{Добро (цель)}}{\text{Зло (неподвластный мир)}} .$$

Следует заметить, что собственно деятельность, не учитывающая или преувеличивающая роль чувственного или рационального компонен-тов, приводит к деформации надежд. Бессмысленная, бесполезная де-ятельность - источник безнадежного существования.

Итак, перед нами три претендующие на статус универсальных, имеющие соответствующие объяснительные и прогностические потенции концепции надежды. Однако так или иначе эти концепции сами по себе не дают возможности представить надежду как системное качество, репрезентирующее и чувственную, и рациональную, и действительную стороны мироотношения человека.

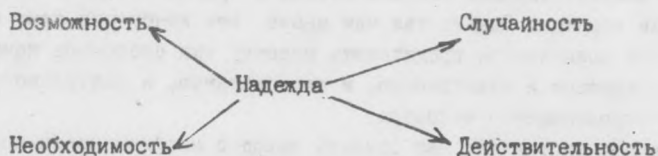
Все это заставляет нас сделать вывод о необходимости поиска формулы надежды в сфере духовности, включающей бессознательную, сознательную и подсознательную сферы.

В принципе источником желаний человека может стать каждая из сфер духовности. Но появившееся желание не остается раз и навсегда в зоне влияния породившей его сферы, оно начинает искать наиболее благоприятное для себя пристанище, оптимальную форму своего выражения. Допустим, желание появляется из бессознательной сферы. Поскольку для человека не сразу ясно, насколько это желание для него благоприятно или целесообразно, оно попадает в зону неопределенности желаний, т.е. в межполюсное пространство надежды – страха. Система духовности открыта для мира в направлении надежды. Страх прежде всего стремится законсервировать систему, предохранить от разрушения, вызванного неопределенной реализацией желания. Страх сортирует желания, либо возвращая их в изначальную сферу; либо переводя в разряд надежды с последующей проекцией во внешний мир. Схематически этот процесс может быть представлен так:

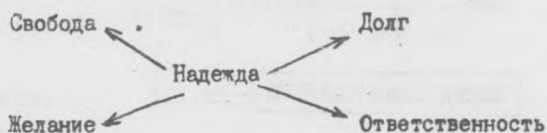
Любые надежды появляются либо в результате самостановления человека, либо в результате привнесенных извне факторов. В первом случае желание детерминировано и высчитывается (фильтруется) на оси его необходимости – случайности для мироотношения человека, а во-втором – на оси возможности – действительности внешне-

го феномена стать реальным желанием человека:

Тогда надежда может быть определена как мера необходимого в случайном или как мера действительного в возможном. Но такое определение скорее всего подходит для одномерных желаний, и процесс переживания человеком их осуществления во многом происходит по типу "лабиринта", когда реальная эффективность надежды осуществления желания (выхода) может быть определена как отношение количества действительных (правильных) движений к количеству возможных путей выхода или как отношение совокупности необходимых попыток к массе случайных вариантов выхода.

Но чаще в каком-либо конкретном желании репрезентируется целый веер модусов духовности, человеку при этом важно не просто определить "духовную" необходимость этого желания, а выбрать вариант его осуществления. Допустим, для обладания царевной богатырю надо определить, в каком направлении он будет осуществлять свой поиск. В такой ситуации (назовем ее "ВЕЕР") появляются проблемы свободного выбора и ответственности, должного и желанного (сущего). Надежда здесь может быть представлена как мера желанного в должном или как мера свободы в ответственности:

Если условиться, что мы знаем, что такое душа, то найти в ней место надежде или какому-либо другому душевному модусу не составило бы труда. Однако "заглянуть" в душу и выразить ее рациональными средствами еще никому не удавалось и вряд ли удастся. Можно лишь констатировать, что понимание души репрезентируется в соответствующих образах в зависимости от мировоззрения, миропонимания и мироощущения человека.

Так, например, можно выделить представление о душе как о материальном образовании, сопровождающем человека в его жизни и по-

кидающем бренное тело после смерти. Сегодня даже описываются попытки взвесить душу усопшего. С другой стороны, душа представляется в целом ряде мировоззренческих систем как нетелесное (но реальное!) образование, поселяющееся в материальном теле в момент рождения и возвращающееся в потусторонний мир после смерти человека. Наконец, можно выделить представления о вечно перерождающейся душе, когда тело — это лишь ее временная опредмеченная (овеществленная) форма.

Отсюда можно попытаться представить надежду как системное качество, объединяющее в себе и свойства материальной телесной организации человека, и свойства интимных психических процессов, и уникальное операционное соединение материальных и нематериальных компонентов в репрезентантах человеческого мироположения (образах судьбы, жизни, смерти и т.п.).

Н.И. Бараковская

Уральский педагогический
институт

ИНТЕГРАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ МЕТОДИКИ СУБЪЕКТИВАЦИИ

Все сферы психического развития предполагают развитие познавательных потребностей, самооценки в деятельности, потребности в самовоспитании. Особое значение для психического развития ребенка имеют первые школьные годы, когда формируются все компоненты учебной деятельности. Не сформированные вовремя, они затем тормозят развитие личности в каком-либо аспекте, препятствуют успешному овладению знаниями.

Учитель, изучающий причины трудновоспитуемости, должен знать, что сопротивление воспитательному влиянию объясняется выпадением ребенка из сферы общественного и семейного воспитания. Формирование мнений и навыков должно происходить не только в процессе обучения в школе, но и в период развития ребенка в бытовой, социальной среде. Дети приходят в школу с разным уровнем умений и навыков, и это играет огромную роль в успешности комплексного развития личности.